

УДК 811.161.1

Осетров И.Г.

Ульяновский государственный педагогический университет

СЛОЖНОЗНАЧНОЕ ВЫСКАЗЫВАНИЕ КАК ДВУХАДРЕСНЫЙ РЕЧЕВОЙ АКТ

I. Osetrov

Ulyanovsk State Pedagogical University

SYNTHOSEMANTIC STATEMENT AS A DOUBLEADDRESS SPEECH ACT

Аннотация. В отдельных случаях омонимичность высказывания либо задумывается в целях создания подтекста, либо используется для явного столкновения нескольких смыслов. Такие речевые стратегии вносят в предложение элемент сложнзначности, делая его содержание многослойным. Адресуя одну фразу разным аудиториям, говорящий создаёт фрагменты речи, принадлежащие одному тексту, но итожащие разные дискурсы. Будучи одним из средств иррационального освоения мира, сложнзначность, в том числе, является способом укрытия смысла от «непосвящённого».

Ключевые слова. Сложнзначность, неорганическая фраза, высказывание, коммуникативный акт, речевое действие, асимметричный дуализм языковых знаков.

Abstract. In some cases, homonymy of a statement is either conceived in order to create a subtext, or used for the collision of several meanings. These verbal strategies bring an element of synthosemy into a sentence, making its content multi-layered. Addressing the same phrase to different audiences, the speaker creates speech fragments that belong to the same text, but sum up different discourses. Being a means of the irrational development of the world, synthosemy is also a method of hiding the meaning from "the uninitiated".

Key words: synthosemy, inorganic phrase, utterance, communicative act, speech act, asymmetric dualism of a linguistic sign.

Мысль В. Скалички о том, что высказывание не предполагает асимметричного дуализма языкового знака, т. е. не может обладать чертами омонимии, синонимии или тавтологии [6], на первый взгляд, имеет универсальный характер, так как в противном случае нарушенным оказывается одно из требований к завершённым речевым произведениям. Однако, скорее всего, это имеет отношение к так называемым «правилам идеала» и поэтому характеризует прежде всего так называемый «органический» тип фразы, то есть логизированное предложение, предполагающее «полное развитие всех звеньев синтаксической цепочки, рассчитанное не только и не столько на устное, сколько на письменное выражение» [1, с. 9]. Органические высказывания задумываются и осуществляются говорящим таким образом, что возможная асимметричность языкового знака сознательно устраняется, так как это является обязательным системным требованием данного типа фразы. Однако встречаются (и следует сказать достаточно часто) такие, например, случаи, когда

- асимметричность синтаксических знаков изначально задумывается как способ создания подтекста (фраза *А был ли мальчик?* из «Жизни Клима Самгина», создающая смыслы сложной природы в разных частях романа М. Горького);

- асимметричность знака предназначена для столкновения смыслов в целях создания парадокса (например, четверостишие И. Губермана *«Я враг дискуссий и собраний, и в спорах слова не прошу; имея истину в кармане, в другом закуску я ношу»*, где обнаруживается неоднослойность семантики высказывания благодаря взаимодействию встретившегося в тексте выражения *истина в кармане* (то есть 'обладание знанием') и подразумеваемой поговорки – *истина в вине*.

© Осетров И.Г., 2011.

Мы считаем, что обладанием свойствами омонимии, синонимии или тавтологии может характеризоваться только тот тип высказывания, который Г.Н. Акимовой назван неорганической фразой [1, с. 9]. Создание такого высказывания обусловлено тем, что существуют обстоятельства, когда говорящий сознательно избирает коммуникативную стратегию, при которой иллюкутивная осечка или иллюкутивная неудача оказываются частью его речевого замысла и, таким образом, ответственность за создаваемые говорящим смыслы возлагается на собеседника – читателя или слушателя.

Так, отвечая во время пресс-конференции на обвинения в коррупции со стороны бывшего соратника, известный украинский политик говорит: «Я не знаю этого человека!» В тех условиях, в которых высказывание было осуществлено, оно задумывалось ею и сознательно конструировалось как синтосемичное (сложнозначное) [7, с. 8].

Первое значение соответствует своему денотату (пропозитивному содержанию высказывания), поскольку адресовано прежде всего неосведомленной публике. Возможно, что его допустимо рассматривать как ложное суждение (хотя бы потому, что оскорбительное заявление политик опровергнуть не пытался и внешних признаков возмущения слова бывшего соратника не вызвали). Однако жанровые свойства пресс-конференции как коммуникативного акта предполагают высокую степень доверия к выступающему, поэтому частью слушателей ответ политика вполне может восприниматься как истинное суждение, его значение как прямое, а тип высказывания в этом случае как общеинформативный.

Второе значение следует охарактеризовать как присущее высказыванию, которое имеет общевеерификативный характер, так как фраза представляет собой лишь последнюю часть сложного предложения: (После того, что произошло) «Я не знаю этого человека!». В этом случае оно адресовано не только и не столько оппоненту, сколько близкому окружению. Политик не лжёт, более того оказывается весьма убедительным, поскольку:

– предупреждает (косвенный речевой акт) оппонента о том, что с данного момента игнорирует существование бывшего соратника (перформативное высказывание);

– ставит в известность окружение (вновь косвенный речевой акт), что «забудет» каждого «отступника» (перформативное высказывание).

Указанные смыслы вносят в предложение элемент сложнозначности (синтосемии), делая его содержание многослойным, разнозначным.

Несомненно, что первое из двух представленных нами толкований значения высказывания *Я не знаю этого человека!* следует считать прямым; второе является производным, обусловленным семантикой сложного предложения (После того, что произошло, я не знаю этого человека!) и в связи с этим осознаётся как окказиональное, а потому должно быть признано производным, вторичным.

Таким образом, одно высказывание может быть предназначено двум, по крайней мере, адресатам. В этом случае в зависимости от уровня компетенции адресата возникает семантическая база для различного понимания данного высказывания разными коммуникантами. Такого рода явления могут быть обозначены как двухадресные речевые акты, что позволяет говорить о асимметрии формально тождественных (симметричных) синтаксических знаков.

Вполне возможным оказывается и иное осуществление речевого воздействия, когда переносное значение наслаивается на прямое, создавая своеобразный конгломерат смыслов [2, с. 409–485; 4]. Например, объёмный отрывок из романа «Цусима» А.С. Новикова-Прибоя посвящён описанию того, как адмирал Бирилёв «коллекционировал» награды различных стран. Завершается этот отрывок комментарием флотских остроловов: «Его превосходительство благополучно закончил свой крестовый поход».

Характеризуя эту двусмысленную фразу, необходимо обратить внимание на то, что каламбур основан не только на лексической многозначности слова «крестовый», но и на

то, что конструкция с синтаксической точки зрения омонимична, поскольку обозначает две различные ситуации. Доказательством этого является то, что высказывание обладает двоякой синтаксической членимостью. Первый смысл связан с использованием фразеологизма «крестовый поход» в прямом значении (по С.И. Ожегову, это «походы западноевропейских рыцарей на Восток в XI – XIII вв.») [5, с. 247]. Синтаксической функцией этой фразеологической единицы в предложении является роль прямого дополнения.

Вторая возможность синтаксического членения обусловлена тем, что поскольку «крест» – наиболее частое название европейских наград, то прилагательное «крестовый» приобретает уже не значение направления («крестовый» – т. е. 'к кресту Господню'), а значение цели (т. е. 'за наградами, 'за крестами'). В связи с этим словосочетание «крестовый поход» является свободным, а потому распадается на прямое дополнение *поход* и определение *крестовый*. Возможность различной членимости и создает двусмысленность. Говорящий ориентируется на компетентного собеседника, способного осознать сложнзначность, и вместе с тем эвфимизирует некоторые смыслы, считая, что они, дойдя до адресата и задев его самолюбие, могут нанести некий ущерб автору саркастического высказывания.

Речевое действие в данном случае состоит в том, что несколько смыслов концентрируются в одном высказывании.

Речевым намерением некоторых сложнзначных конструкций может быть создание и оскорбительной иронии. Так, анализируя предложение *На воротах парков были прибиты дощечки с позорнейшими надписями: «Нижним чинам и собакам вход запрещён»* (А.С. Новиков-Прибой. Цусима), замечаем, что текст объявления не содержит истинного суждения (оно, несомненно, должно характеризоваться как ложное), поскольку в нём могут быть отмечены две логические ошибки: во-первых, животные не умеют читать и потому должны быть упомянуты не собаки, а их владельцы; во-вторых, серьёзной оп-

лошностью считается объединение в блоке однородных членов понятий неоднородного характера (животные и люди). Однако этот пример иллюстрирует ключевое положение теории речевых актов, состоящее в том, что понятия истинности и ложности в речи могут заменяться понятиями успешности и неуспешности. Действительно, поскольку собаки не способны читать, то текст может быть адресован только грамотному нижнему чину, и речевым намерением этого объявления должно быть признано желание оскорбить адресата и добиться того, чтобы текст был воспринят как «позорнейшая надпись». В результате возникает осознание того, что текст мнимо адресован двум адресатам, т. е. причиной речевой успешности оказывается намеренное, но косвенное, неявное сужение круга адресатов коммуникативного воздействия.

Нельзя не заметить, что осознанное неупоминание владельцев собак в качестве второго объекта запрещающей информации влечёт ещё одно косвенно осуществляемое речевое действие: уравнив нижних чинов и собак, автор объявления за счёт злого сарказма, адресованного грамотным нижним чинам, смягчает вполне ожидаемую негативную реакцию на запрет прогулок в парке со стороны господ с собачками.

Не менее показательной выглядит современная армейская сцена, когда старослужащий-славянин в присутствии друзей задаёт якобы добродушный вопрос новобранцам ярко выраженной неславянской внешности: «*Земляки, вы из Москвы?*». Для солдат, плохо говорящих по-русски, вопрос требует информативного ответа. Для говорящего и известной части его сослуживцев – это саркастически окрашенный риторический вопрос и «удачная» шутка.

Так, адресуя одну фразу разным аудиториям, говорящий способен создавать фрагменты речи, принадлежащие одному тексту, но итожащие разные дискурсы.

Синтосемия возникает на базе многозначного синтаксического образования или же конструкции, предрасположенной к омонимии. Так, типовым способом создания слож-

нозначности можно признать приём снятия оценки или её «переадресации» (как правило, негативно характеризующих предложений в составе диалога), например:

– Болтун!

– *Очень приятно! А моя фамилия – Иванов!*

В первом предложении диалогического единства оценка адресуется непосредственно собеседнику, ответная реплика рассматривается уже не как оценка, а как формульная единица этикета, употребляемая в ситуации знакомства. За счёт такой модели речевого поведения семантика неполной оценочной конструкции *Болтун!* осложняется дополнительным смыслом, обусловленным сходством с такой конструкцией, которая используется в том числе как формула этикета. Осложнённая модель речевого поведения используется для имитации непонимания собеседника и в следующем диалоге из повести В. Санина «В ловушке»:

– *Никогда такой ерунды Сократ не говорил, – засмеялся Бармин, присаживаясь. – Кстати, он жил и мыслил в Древней Греции.*

– *Пустобрёх, – неодобрительно произнёс Дугин.*

– *Сократ, древний гений и мудрец – пустобрёх? – оскорбился Филатов. – Знал, что ты неуч, но не думал, что такой глухой (...).*

– *Звонарь с глухой колокольни, – буркнул Дугин и тут же внёс ясность. – Ты, а не Сократ.*

Данный диалог можно рассматривать как пример того, как оценивающий собеседник, парируя приём переадресации оценки, снимает последней репликой (*Ты, а не Сократ*) заданную ранее сложнзначность оценочно-го высказывания.

Осознанное построение такой речи, которая адресована нескольким слушающим, свидетельствует о высоком уровне речевой компетенции говорящего. В отдельных случаях речь, содержащая ненормативную конструкцию, выполняет эстетическую функцию и становится сюжетообразующим средством, примером чему может служить рассказ В.М. Дорошкевича «Дело о людоедстве», где ошиб-

ка в порядке слов приводит к появлению якобы незапланированного смысла, который и становится основой художественного конфликта: *Сего числа в управление участка был доставлен в бесчувственно пьяном виде неизвестный человек, по наружным признакам купеческого звания, который, ходя по базару, бесчинствуя и раскидывая у торговки грибы и топча солёные грузди ногами, похвалялся, что он ел пирог с околоточным надзирателем. Ввиду чего проезжавшим казачьим патрулём и был задержан по подозрению в людоедстве (ср.: пирог с грибами, пирог с курагой и под.)*

Будучи одним из средств иррационального освоения мира, сложнзначность является, в известном смысле, приёмом тайноречия, т. е. укрытия смысла от «непосвящённого». Целью синтосемии высказывания следует считать поиск достойного собеседника, способного оценить характер и степень важности информации. Таким образом усиливается коммуникативное воздействие на собеседника, осознающего степень доверия говорящего и высокую оценку его интеллекта. Тот собеседник же, который подозревает о наличии сложного смысла, но чьи знания недостаточны для его постижения, может воспринимать такой речевой акт в том числе как коммуникативную неудачу или осечку. Без освоения пресуппозиции, представляющей собой содержание фольклорной сентенции, крылатых слов, предшествующей речи, бытовой реалии, некоторая часть высказываний остаётся неясной – и потому непонятой – или абсолютно бессмысленной. Другими словами, страноведческая, литературоведческая, паремиологическая и прочая компетенция или её отсутствие создают условия для омонимии текста. Так, во фразе «*Государственная Дума посчитала поговорку «Не родись красивой» скрытой рекламой водки*» речевая часть будет лишена той силы, которая делает фразу выразительной, если слушателю незнакома современная маргинальная паремия «Не бывает некрасивых женщин – бывает мало водки».

Причины и средства произвольного возникновения и сознательного создания

синтосемичных высказываний весьма разнообразны [8]. В число причин может входить ограниченность сведений о лексическом потенциале многозначного слова; так, человек, не осведомленный о широко бытующем среди пользователей компьютера значении глагола *кликнуть*, не поймёт следующий текст: «Первое упоминание о компьютерах в русской литературе встречаем у А.С. Пушкина – «И кликнул старик золотую рыбку», что обусловлено изменением современного семантического потенциала лексики *кликнуть* ('отметить объект щелчком компьютерной мышки'). Фактически эта омонимия может быть определена как имеющая диахронно-стилевой характер, поскольку языковые коды пушкинского текста и современного юмористического прочтения определяются хронологическими и стилистическими различиями (фольклорный у Пушкина, сленговый у молодёжи). В данном случае можно говорить об использовании разных кодовых механизмов при интерпретации текста. Ярким примером такого кодового разночтения можно считать сцену суда над *Ольговичем Игорем Святославичем, князем Новгород-Северским и Путивльским* в романе А.И. Солженицына «В круге первом».

В случае утраты одного из кодов содержания высказывания оказывается существенно обеднённым. Так, утраченный практически полностью церковнославянский код приводит современного читателя к сугубо бытовому восприятию пушкинского «В глуши, измучась жизнью постной» [7].

Большинству носителей русского языка понятны аллюзийные перифразы *солнце русской поэзии (Пушкин), третий Рим (Москва)*, являющиеся в составе предложения цельными сочетаниями слов ввиду их семантической нечленимости; в то время как цельность фетовских перифрастических сочетаний *серебряные змеи (поэмка), стоокий слепец (толпа)* осознаётся лишь благодаря авторскому контексту. Не менее проблемными в этом плане оказываются перифразы, опирающиеся на некоторые малоизвестные исторические или литературные реалии, например, *пар левант-*

ский (от *Левант* – старое название Ливана), то есть 'кофе', *пар манжурский* (от Манчжурия), то есть 'чай', используемые Г.Р. Державиным в поэме «Евгению. Жизнь званская» («...и пар повеет с дома мне манжурской иль левантской») (мы благодарны доц. Т.В. Егоровой за разрешение воспользоваться последними примерами).

Очевидно, имея в виду именно такие явления, А.Н. Гвоздев подчеркивал, что асимметричность омонимии подчас бывает обусловлена различием позиций говорящего («я») и собеседника («ты») [3, с. 226].

В условиях «неорганической» фразы [1, с. 9] возможными следует считать следующие коммуникативные свойства синтосемии:

1. Непроизвольное расширение говорящим значения высказывания – содержание оказывается богаче ожидаемого.

2. Непроизвольное сужение говорящим значения высказывания – содержание оказывается беднее планируемого.

3. Сознательное расширение значения высказывания – ожидаемое и осуществлённое в содержании тождественны.

4. Сознательное ограничение круга адресатов речи за счёт создания ситуации информационной асимметрии.

5. Сознательное расширение круга адресатов речи для создания ситуации информационной асимметрии.

Первые две ситуации связаны с явлениями патологии речи, оставшиеся три характеризуют ситуацию речевого эксперимента.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Акимов Г.Н. Новое в синтаксисе современного русского языка. – М.: Высшая школа, 1990.
2. Апресян Ю.Д. Лексико-семантическая парадигматика // Ю.Д. Апресян. Исследования по семантике и лексикографии. – Т. I. Парадигматика. – М.: Языки славянской культуры, 2009.
3. Гвоздев А.Н. Об одной проблеме стилистики (случаи дефектности конструкций, соответствующих целям автора и отвечающих нормам языка) // Вопросы русского языкознания. – Саратов, 1961. – С. 225–241.
4. Зализняк А.А. Многозначность в языке и способы её представления. – М.: Языки славянских культур, 2006.

5. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1988.
6. Скаличка В. Асимметричный дуализм языковых знаков // Пражский лингвистический кружок / Под. ред. Н.А. Кондрашова. – М.: Прогресс, 1967. С. 119–127.
7. Успенский Б.А. История литературного языка как межславянская дисциплина // Б.А. Успенский. Избранные труды. – Т. III. – Общее и славянское языкознание. – М.: Школа «Языки славянской культуры», 1997. – С. 121–142.
8. Филиппова М.М. Непрямая коммуникация и средства создания двусмысленного дискурса // Филологические науки. – 2007. – № 1. – С. 60–69.
9. Фурашов В.И. О так называемой многозначности членов предложения//Русское слово, высказывание, текст: рациональное, эмоциональное, экспрессивное. – М.: МГОУ, 2007. – С. 6–11.

УДК 811.161.1'36

Рябушкина С.В.

Ульяновский государственный университет

ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ И «ЭКСПАНСИЯ НОМИНАТИВА»

S. Ryabushkina

Ulyanovsk State University

THE NUMERAL AND “THE EXPANSION OF THE NOMINATIVE”

Аннотация. В современной русистике сложилось представление о том, что парадигма имени числительного постепенно упрощается и разрушается, вплоть до полной утраты форм словоизменения. В этом видят проявление актуальной тенденции к анализируемости. Но речевой материал, которым подтверждается тезис об «экспансии номинатива» (всё более частом употреблении номинатива на месте косвенных падежей) в сфере имени числительного, довольно разнороден и не позволяет говорить о серьезных морфологических изменениях, так как отражает, по мнению автора, особенности разговорной (устной) речи, влияние синтаксической позиции, устранение грамматической избыточности у многокомпонентных имен числительных, трудности чтения цифровой записи и др.

Ключевые слова: имя числительное, словоизменение, несклоняемость, падеж, разговорная речь, активные процессы в современном русском языке.

Abstract. In modern Russian linguistics there is a common view that the numeral paradigm is undergoing simplification and destruction to the point of complete loss of functional forms. This is considered as a result of a general tendency towards analytical patterns. But the linguistic data supporting the claims about “the expansion of the nominative” (an increasing number of the nominative instead of other case forms) with numerals are quite diverse and do not allow admitting serious morphological changes, which, in the author’s opinion, reflects the peculiarities of spoken language, syntactical position, elimination of redundancy of compound numerals, reading difficulties of numerical units, etc.

Key words: the numeral, inflection, the case, spoken language, active processes in modern Russian.

Исследователи русской разговорной речи отмечают среди ее основных свойств синкретизм и расчлененность; одним из ярких следствий действия этих противоборствующих тенденций является так называемая «экспансия номинатива»: активность именительного, замещающего (как немаркированный член) позиции других падежей; активность именительного темы, относящегося к высказыванию в целом, и др.

Этот же термин – «экспансия номинатива» – используется иногда при описании процессов, происходящих в сфере современного имени числительного (далее – ИЧ), тех преобра-